

Дизайн детства, или Кто прячется в шкафу с игрушками?

В Библиотеке 21 на ул. Г. Димитрова, 7, прошел вечер из цикла «Музыкальные зеркала фантастики». Беседа стала своеобразным культурно-антропологическим этюдом на тему детства и детского/страшного/мистического.

Немного о детской комнате

Цикл вырос внутри проекта «Герои на грани миров. Диалоги о фантастике и не только» и представляет не совсем обычный формат: лекция с музыкальным комментарием. Слова и музыка и поддерживают, и опровергают друг друга одновременно, погружая слушателей в очень плотный культурный раствор, требующий и воображения, и рефлексии. Спикер – философ, антрополог и педагог Елена Савенкова, уже далеко не первый раз посягающая на тему «детского» в фантастике. Помогала лектору Олеся Зубова, самарский композитор и музыкант.

Такие музыкально-фантастические вечера представляют собой «двойное послание», эдакую шкапулку с секретом: библиотечное мероприятие (впрочем, очень хочется писать не столь казенно, лучше читается слово

«событие») под скромной оберткой содержит нечто весьма необычное. Вот уже который раз беседа посвящается массовой культуре, и прежде всего всяческим историям на потребу низменным вкусам публики – тому, что в просторечии именуется «ужастиками». На протяжении многих встреч лекторы и посетители музыкальной гостиной последовательно расшифровывали сюжеты о привидениях и об оживших куклах и статуях, о пришельцах и вампирах, о зомби и о киборгах. И оказывается, что перед нами далеко не просто развлекательные картинки: **массовая культура способна проговаривать нечто очень важное, и для того, чтобы понять, какие важнейшие антропологические смыслы скрываются за популярными историями, требуется весьма серьезное интеллектуальное усилие.**

И вот настала очередь для других «страшилок»: беседа выстраивалась вокруг темы детства, сюжетов, соединяющих «детское», «страшное» и «мистическое» в литературе и кинематографе.

Нам привычно думать о детстве как о райско-золотом времени человеческой жизни. Вспоминать о нем, казалось бы, надлежит исключительно в розово-карамельно-шоколадных тонах, а детей следует оберегать от разных трагических нарративов – в последнем усилии особенно преуспели современные родители, искренне переживающие, как же их чадо может читать жестокие сказки о Бабе-яге или о печальной участи тургеневской Муму. Детство должно быть радостным...

Но мы-то знаем, что это неправда: именно в детстве совершается открытие смерти, первое прикосновение к небытию. Детство – это опыт нахождения на границе, пороговое состояние, опасно близкое к смерти, – такое открытие мировая литература совершит в

XX веке, хотя предпосылки начинаются уже значительно раньше, на рубеже веков. Но пока это только протуберанцы, которые нет-нет да и выстреливают сквозь благополучный покров.

Перед лекцией прозвучал пролог – презентация выставки, любезно предоставленной библиотеке Самарским литературным музеем, посвященной «Детству Никиты» А. Н. Толстого: иллюстрации художников Н. А. Носкович и С. Д. Ярового к знаменитой повести. Репродукции комментировала сотрудник музея Анастасия Чекмасова.

Солнечное, домашнее, теплое, пушистое, золотое – эпитеты можно подбирать беско-

Повелитель мух, детки в клетке и другие

Детство как самостоятельный феномен было открыто в Новое время, и его координаты определялись христианской системой ценностей. Эпоха Просвещения обозначила культуру детства: самостоятельное осознание детского возраста, детской комнаты как особого пространства. Появляется индустрия детской игрушки как особого предмета. А романтизму мы обязаны идеей, что детство – это рай, а ребенок сохраняет отблеск первозданной чистоты, от которой отделились «неправильные» взрослые. И только дети наделены особым, волшебным зрением.

Ребенок в классической литературе – почти всегда ангельский образ. Хулиган, бродяга – это, разумеется, падший ангел, и его надлежит вернуть в лоно родительской заботы, но вообще-то он изначально обладатель некоего истинно человеческого начала, будь то филдинговский Том Джонс – найденыш, или Оливер Твист Диккенса, или обаятельный провокатор Том Соьер.

Но «дитя-ангел», образ христианской культуры, причастно к теме жертвенности, и мы получаем множество историй, в которых ребенок включен в мир героики, эпических, в том числе и военных приключений.

И вот здесь выясняется, что героические дети не хотят взрослеть. Самый знаменитый нестареющий мальчик – Питер Пэн шотландского писателя Дж. М. Барри. В его мире приключений вечно юные дети прекрасно обходятся без воспитательных стандартов. И все бы ничего, но он, похищающий для своего Неверленда обычных детей, совершает роковую ошибку: он крадет девочку, Венди. И та, разумеется, все портит, потому что начинает сразу же себя себя как мама: умывает мальчиков, штопает им носки и вообще всячески нарушает мальчишеский рай.

Питер Пэн неожиданно оказывается «родственником» и Гавроша, и пионеров-героев

Аркадия Гайдара, и поэтических мальчиков Владислава Крапивина, которым «всегда было и будет двенадцать», и даже и киношных Петрова и Васечкина из позднесоветского детского мюзикла, пусть и в комическом регистре. И даже – «детей кукурузы» Стивена Кинга.

Любопытно: в нарративе 20–30-х годов о пионерах-героях нерв повествования тесно переплетен с жанром святочного/житийного жанра: смерть невинного юного страдальца должна обратить взрослых в истинную веру. Но история гибели героя-ребенка вдруг сближается с готической новеллой: персонажа чаще всего убивают тайно, в темное время суток, заманив его в пустынное место (кладбище, болото, подвал, чердак, окраины села/города, лес). Описание места гибели и захоронения героя сопровождается ужасными подробностями. Очевиден особый статус жертвы: это уже не обычный ребенок, но наделенный некоей сверхчеловеческой силой.

Анна СИНИЦКАЯ

Кандидат филологических наук, доцент СФ МГПУ

Культура начинает работать с идеей, что ребенок, возможно, никакой не ангел и способен быть не только героем-жертвой, но и палачом. **Жестокость детства – тема, которая воплощается в самых разнообразных регистрах:** от фантастических притч Рэя Брэдбери до страшилок Стивена Кинга и психологического натурализма «Чучела» Владимира Железникова, который, кажется, впервые в отечественной литературе открыто обозначил в подростковой прозе тему буллинга (детской травли).

Гуманистическая традиция дает трещину, особенно очевидным это становится после Второй мировой войны: в 1950 году Р. Брэдбери публикует знаменитый рассказ «Вельд». Рассказ родился из двух слов – Брэдбери, сидя за пишущей машинкой, вдруг напечатал: «детская комната». И вся история – о том, как игра может обернуться трагедией. Главных героев зовут Питер и Венди. Спустя всего лишь четыре года Уильям Голдинг создает своего «Повелителя мух», герои которого вначале тоже играют в приключения на необитаемом острове.

Ангельское начало в литературно-кинематографических детях превращается в демоническое, и уже не только взрослый мир, но и мир детей выглядит опасным и чужим. Дети – все время на разломе повседневности, они причастны к какому-то экстремальному опыту, и этот опыт трудно выразить. И вот в литературе и кинематографе в изобилии появляются inferнальные, демонические дети – уже не в переносном, а в буквальном смысле. Вот, например, ужасный Дэмиен из литературно-кинематографической серии «Омен»: воплощением дьявольских сил оказывается... предельно благовоспитанный и красивый ребенок.

Впрочем, жуткое – всегда рядом, и демоны живут среди – а может быть, внутри – нас. «Что-то страшное грядет», по Брэдбери, но прячется оно в шкафу, за углом, в детской. **Зло может быть мистическим, а может быть повседневным, банальным, и еще неизвестно, какое опаснее.**

Музыкальные реплики вплетались в лекцию и воплощали метаморфозы детского в культуре: от светлого, игрушечного до зловещего, почти апокалиптического. Звучали как хрестоматийные и полузабытые, так и сверхпопулярные источники, отечественные и зарубежные: фрагменты из цикла пьес С. Прокофьева «Детская музыка», композиции С. Кана к мультфильму «Питер Пэн», Ли Харлайна – к фильму У. Диснея «Пиноккио» и, конечно, фрагменты саундтреков Дж. Голдсмита из кинофильма «Омен».

Выбрать верную интонацию разговора о такой тонкой материи весьма непросто. Слишком больно ударяет этот разговор по самым важным проблемам современной культуры. Может быть, именно поэтому нам хочется, чтобы детский мир остался неприкосновенным.

Как написано у того же Дж. Барри в «Питере Пэне»: «...И так это будет продолжаться до тех пор, пока дети не разучатся быть веселыми, непонимающими и бессердечными»...